

*Всем, кто когда-либо терял и боялся,
что света больше не будет*

1 ЧЕРЕЗ ЧЕРТОГИ ДРЕВНИХ ГОР

Через чертоги древних гор,
Под светом ясных звёзд,
Я отведу тебя в свой дом,
Построенный из грёз...

Старинная дэльская песня

Берти Голден-Халла

Взгляд Моргана Гарвуса полнился неодобрением.

— Тебя наверняка пришибёт камнепадом, Берти. Ты правда этого хочешь? — поинтересовался он таким тоном, что всякому стало бы ясно: Гарвус всерьёз сомневается в интеллектуальных способностях своего друга.

В ответ на это упомянутый Берти лишь лукаво прищурился. Физиономия у него была почти до неприличия довольная, а медно-красные волосы, собранные в низкий хвост, полыхали алым в лучах утреннего солнца.

— Морган, скажи сразу: сколько ещё ты придумашешь причин для того, чтобы я не уезжал? Ты уверен, что твоя идея поселиться одному тут, в центре Глобального Ничего, была такой уж хорошей, а, братишка?

Будучи красивейшим золотовласым блондином с крайне высокомерной внешностью, Морган меньше всего на свете ассоциировался с определением «братишка». Скорее, при взгляде на него вспоминались слова из серии

«мой бог», «господин» и почему-то «спасите». Но Берти придерживался своего мнения на этот счёт.

— Ну и проваливай, — помолчав, махнул рукой Гарвус.

Жест получился настолько драматичным, что хоть сейчас повторай его на большой сцене. Лицо у Моргана при этом было такое, будто Берти только что сожрал его родную матушку, а потом сказал: «Невкусно».

При виде этой истинной трагедии, явленной в образе друга, Бертрам Голден-Халла не выдержал и рассмеялся. Морган закатил зелёные глаза.

— Нет, серьёзно, будь осторожен, — с нажимом повторил он. — Я читал погодную сводку: с начала месяца в горах над Вратами Солнца бушуют грозы. А знаешь, к чему приводит регулярное попадание молний в скалы?

— К камнепадам. Ты повторяешься.

— Просто мне не хотелось бы через пару дней получить письмо с просьбой забрать твой расплющенный труп из морга.

— Не переживай, не получишь. До твоей глуши письмо будет идти минимум две недели.

— Очень смешно, — проворчал Гарвус, глядя на то, как Берти допивает чай и решительно встаёт из-за стола. — Как тебя земля вообще носит, шутника такого.

Голден-Халла лишь простодушно развёл руками и подмигнул в ответ. Потом подхватил саквояж, ждущий своего часа у камина.

Гостиная в шале Моргана Гарвуса была воплощением высокогорного шика: везде дерево, камень, сливочные и карамельные тона. Лестница, ведущая на второй этаж, так и манила подняться и изучить пару спален, кабинет хозяина и библиотеку. Под лестницей пряталась дверь в так называемую «горячую» часть дома: в ванную комнату, сауну и бассейн, построенный над термальным источником.

Берти вздохнул, окидывая шале прощальным взглядом.

Уезжать не хотелось. Морган был его лучшим другом, хоть и мизантропом. Да и дом был классный. А в закол-

дованных горах прекрасно отдыхалось: свежий воздух, древние тайны — что ещё нужно для счастья?

— Я буду осторожен! — кивнул Берти. — А ты здесь не скучай. И обещаю тебе хотя бы *попробовать* поговорить с той симпатичной булочницей, Патти Вареши... Она всегда так на тебя смотрит!

— Как? — с бесстрастным лицом уточнил Гарвус.

— Эм. Ну. Позитивно.

— Я не заинтересован в отношениях.

— Да ладно тебе! Немного флирта ещё никого не убило. Иногда стоит пробовать что-то новое — это полезно для мозга и всё такое.

— Так, Голден-Халла. — Морган сурово сдвинул брови. — С каждой секундой я всё больше поражаюсь тому, что вытерпел с тобой три недели под одной крышей.

— Ага, то есть теперь тебе не жалко меня выпроваживать?.. Прекрасно! Тогда, считай, моя цель разговора о булочнице достигнута.

Они оба уже стояли у порога, а всё никак не могли наконец заткнуться и попрощаться. Вечная проблема друзей, живущих на разных концах света: сколько ни общайся при встречах, всегда будет казаться, что мало.

Наконец Берти понял, что ему действительно следует поторопиться, если он хочет затемно добраться до постоялого двора.

— Возьми, — внезапно сказал Гарвус и протянул что-то Голден-Халле, когда тот уже открыл дверь.

— Что это?

На ладони Моргана лежал красный стеклянный шарик, в глубине которого двигалось золотое свечение.

— Артефакт. Если поймёшь, что горная тропа начала водить тебя по кругу или воздух внезапно наполнился запахом мха и фиалок, активируй его, и он выведет тебя к ближайшему жилую дому. И если что — возвращайся сюда, Берти, пожалуйста. Ты можешь быть сколь угодно сильным магом и опытным детективом, но... Седые горы опасны для тех, кто путешествует в одиночестве.

— Но когда я ехал сюда, всё было хорошо, Морган.

— Вот именно — *сюда*. К ним, как новая игрушка для их недоброй магии. А сейчас ты хочешь уйти, и не факт, что горы так просто тебя отпустят.

Берти задумчиво покачал головой, перекатывая загадочный шарик между пальцами. *Коварные горы? Звучит как вызов, прах побереги.*

— Если что — я вернусь, — пообещал он и крепко обнял друга на прощанье.

Тот — руки по швам — процедил что-то про «мерзейшую слащавость», но вырваться не стал и вообще, кажется, был доволен таким проявлением чувств.

Берти запрыгнул на арендованную лошадь и поехал прочь, вниз с холма, на котором стоял дом Гарвуса. Морган ещё пару минут наблюдал за ним с порога, скрестив руки на груди и опёршись плечом о дверной косяк, а когда кобылка с обернувшимся и машущим ему сыщиком скрылась в сосновом лесу, колдун элегантно поправил волосы и вернулся в дом.

— Так, — вздохнул он, взглянув на своего ворона Кори, всё утро дремавшего на жёрдочке. — Ну что, теперь точно придётся писать диссертацию.

* * *

К ночи субботы Берти прибыл во Врата Солнца — крохотный городок, свернувшийся в ложбинке между горами, из-за чего над ним, вопреки названию, постоянно скапливались облака и тучи. (Возможно, название как раз таки было отчаянной попыткой приманить желаемое.) По плану Берти должен был переночевать здесь, а на следующее утро сесть в дилижанс, который повезёт его прочь из Норшвайна, домой.

Врата Солнца встретили сыщика отнюдь не летним холодом и ливнем.

Газеты, на которые ссылался Морган, не ввали: в округе который день не прекращались грозы. Дороги развезло, возницы из-за сырости и холода заболели

один за другим, транспортный коллапс был очевиден безо всяких камнепадов.

Из-за этого в единственном на весь городок трактире, на чьей вывеске из-за дождя едва читалось название — «Кардамон и перец», — Берти обнаружил прорву гостей, несоразмерную габаритам помещения. Все столы были заняты, подавальщицы сбивались с ног, от громких разговоров гудело в ушах.

— Большинство дилижансов отменилось из-за плохой погоды, — объяснил хозяин, Шоффри, не перестававший разливать напитки: заказы поступали безостановочно. — Тем, у кого были на них билеты, приходится теперь искать места в следующих. А ведь там всё давно уже расписано: середина лета, много путешественников. Вот люди и набиваются во Врата Солнца, как сельди в бочку, уехать не могут. Для кошелька хорошо, но для нервов — так себе...

— Боюсь спросить, как у вас обстоят дела со свободными номерами, — цокнул языком Голден-Халла.

— И правильно боитесь. Нет их. Хотя приди вы на пять минут раньше, я бы нашёл один... Тут у нас двое постояльцев, сблизившись на почве обстоятельств, неожиданно съехались. Кажется, теперь они уже никуда не торопятся. — Шоффри хмыкнул. — Но освободившийся номер мгновенно сняла вот та госпожа, — и трактирщик кивнул за спину Берти.

Голден-Халла обернулся, но успел увидеть только краешек лилового плаща и ногу в изящном мягком полусапожке: обскакавшая его девушка свернула за угол, к лестнице. На сапожке на тоненькой цепочке висел колокольчик, весело звякнувший в тот момент, когда незнакомка скрылась за поворотом — казалось, так он отметил победу над конкурентом в битве за комнату.

— Спи спокойно, — вроде как мило, а всё же немного зловеще пожелал Берти ей вслед.

— Давайте я провожу вас на сеновал, — Шоффри сочувственно покачал головой. — Заодно хоть свежего воздуха глотну. Хей, Чифо! Смени меня на बारे!..

К утру Голден-Халла познал все муки сна на стогу сена. Солома немилосердно кололась, а также набивалась ему за пазуху, в рукава и в носки. Даже в рот, стоило сыщику зевнуть или вздохнуть.

— Ничего-ничего, — мужественно скрежетал зубами Берти, пытаясь устроиться и так и эдак. — Зато атмосферно.

И действительно: на сеновале очень приятно пахло, медово ипряно, по-настоящему волшебно. Нескончаемый дождь уютно барабанил по крыше, грохотала гроза. Солевой камень, принесённый хозяином трактира и источающий тепло, тихо светился убаюкивающим оранжевым цветом. Такие заколдованные глыбы соли называли *хоттами* — «горячими».

Но всё равно, когда во Вратах Солнца рассвело и Берти проснулся, он испытал огромное облегчение: пытка сеновалом закончилась.

«М-да, — подумал он философски, глядя на потолочные балки. — Теперь я буду искренне сочувствовать героям книг, которые по тем или иным причинам ночуют в таких местах».

Кое-как отряхнувшись, Голден-Халла вернулся в трактир и заказал завтрак. Зал «Кардамона и перца» постепенно заполнялся гостями-жаворонками — пугающе энергичными поутру. Они возбуждённо переговаривались, щедро посыпали традиционные норшвайнские вафли сахарной пудрой. Берти присмотрелся к обуви всех присутствующих, но ни у кого не было сапог с колокольчиками. Наверное, вчерашняя путешественница всё ещё сладко спит в своей свежей, белой, мягкой, идеальной кровати с хрустящими простынями... Её можно понять.

Не успел сыщик приступить к своему кофе, как на улице послышался цокот копыт, встревоженные голоса и крики.

Дверь в трактир с грохотом отворилась. На пороге стоял молодой гонец в непромокаемом красном плаще,

с которого на дощатый пол тотчас натекла лужа. Он сбросил капюшон, вытащил из-за пазухи свиток и рывком развернул его, чуть не порвав.

— Новости! — гаркнул он так свирепо, что все аж подпрыгнули вместе со стульями, а трактирщик Шоффри чуть не уронил поднос.

— Сегодня ночью! — заорал юноша совсем уж неистово. — В горах!

Где-то вдалеке раздались такие же вопли: другой гонец радовал вестями остальных жителей городка.

— Случился! Камнепад!

— Ох! — с готовностью отозвались гости.

«Ну, Морган, зараза ты ясновидящая», — подумал Берти.

— Оба тракта, ведущие из нашего города, завалены! — гонец, сверкая глазами, драматично пошёл по залу, то и дело останавливаясь возле завтракающих путешественников и буравя их тёмным взглядом. — Согласно прогнозам, на их восстановление уйдёт дюжина дней. В связи с этим все рейсы вплоть до субботнего отменяются!

На сей раз вместо дружного «ох» постояльцы выдали кое-что другое. Витиеватые словесные конструкции на самых разных наречиях взмыли под потолок и заставили гонца немножечко покраснеть, а молоко в чашках свернуться.

— Это всё. Приятного отдыха во Вратах Солнца! — мрачно подытожил юноша и поскорее сбежал из трактира, настроение в котором теперь едва ли можно было назвать радужным.

Пока гости крыли судьбу на чём свет стоит, Берти спокойно допил кофе и пошёл обратно на улицу.

Может, тракты и завалены, но ведь наверняка существуют какие-нибудь извилистые горные тропки, облюбованные местными. Тайные ходы в скалах. На крайний случай — древние великаны лестницы, о которых он прочитал в путеводителе...

В общем, как и в девяноста девяти процентах жизненных перипетий, выход точно есть, и не один — надо просто как следует поискать.

И Берти занялся поисками. Ибо перспектива провести дюжину ночей на сеновале воистину устращала.

2 ВПЕРЁД, ВО ТЬМУ ГОРНЫХ ДОРОГ

Важно: заложить в бюджет премию для Старшего Ловчего Полыни из Дома Внемлющих. Причина: сотрудника ждёт работа под прикрытием в форте Чернолесья. Подробности у мастера Авена Карлистана.

Из записок счетовода Иноземного ведомства

Тинáви из Дома Страждущих

— Ох! — сказала я, неожиданно наткнувшись на забор.

Дождь не то чтобы лил — прошивал шипящими струями всё вокруг, не позволяя толком ориентироваться.

Я отошла от трактира «Кардамон и перец» всего на пятьдесят шагов, а его уже не было видно. Вытяни руку — и твои пальцы исчезнут, поглощённые низвергающейся водой. Ни неба, ни домов, ни собственных стоп, утонувших в реке, которой тут вообще-то не предполагалось.

14 В таких условиях для меня, чужестранки, исследование Врат Солнца превратилось в квест, изобилующий унижениями. Я поскользнулась, провалилась в чавкающую грязью яму и наконец чуть не врезалась в ездового лося, чья морда, внезапно вынырнувшая из дождя, напоминала лик зверского водяного демона. Увидев меня, лось громко всхрапнул, а я чуть было не отдала концы.

Когда моё сердце вновь забилося, я крикнула куда-то туда, где предполагался всадник:

— Вы не подскажете, где находится двор перевозчиков? Я, кажется, заблудилась!

— Немудрено, госпожа! — отозвался невидимый мне человек. — Ливень невероятный! Вам надо продолжать идти прямо, он будет по правой стороне. Но знайте: дороги завалены, дилижансы отменены!

— Спасибо большое! Да, я слышала о последствиях камнепада!

Новость об этом разнеслась сегодня на рассвете, пока я сладко дрыхла в чудом доставшемся мне номере. К тому моменту, как я спустилась завтракать — тогда ещё довольная, улыбочиво-разморённо-отдохнувшая, — всё население трактира уже успешно погрузилось в депрессию. Я не стала присоединяться к этой панихиде над кофейными чашками. Пострадать я всегда успею; я в этом плане мастер мирового уровня; а вот сейчас лучше взять ноги в руки и поискать решение проблемы!

К тому моменту, как я добралась до конюшен, мой лиловый плащ подло отрёкся от звания непромокаемого, а колокольчики на сапогах уже не звенели, лишь жалостливо ныли, требуя немедленно вернуть их в нормальную обстановку.

Зато в стойлах оказалось тепло и сухо, а лампы с живым огнём согрели меня одним своим видом. Вот только жаль, что никто из возниц, в это время ухаживающих за лошадьми, не пользовался никакими тайными тропами. Как быстро выяснилось, они все ездили только по трактам и теперь дружно готовились к продолжительному безделью. Целых двадцать два человека — и сорок четыре лошади — смотрели на меня невинными глазами, явно мечтая, чтобы я поскорее убралась и оставила их наедине с внезапным отпуском.

— Ой, да они просто лентяи! — прыснула девушка, подметавшая пол в том же темпе и направлении, в котором я опрашивала перевозчиков, и поэтому прекрасно слышавшая, что мне нужно. — Вы лучше обратитесь к мастеру Сылграсу Авалáти, что живёт у старого дуба. У него свой кэб, и он всегда пользуется высокогорными дорога-

ми. А ещё он спокойно ездит даже в самую страшную погоду, никакие грозы ему не страшны! — И девушка, обняв метлу, мечтательно закружилась с ней в танце.

Кажется, лихой мастер Силграс был ей по сердцу.

— Спасибо за совет! — Я вновь приободрилась. — А у какого именно дуба из всех старых дубов вашего города живёт мастер Авалати?

— У того, что возле церкви!

Ага.

Вообще это был каштан, но я не стала поправлять свою спасительницу.

Господина Силграса не оказалось дома. Приткнувшись под козырьком крыльца, я долго шарила по карманам в поисках сухой бумажки и карандаша. Церковный колокол у меня за спиной заунывно отбивал полдень, а дождь всё лил и лил, нескончаемый, разнося запахи мокрого камня и старых сосен. Наконец, накорябав записку, я воткнула её в щель между дверью и косяком.

Всё! Будем считать, для человека, не успевшего выпить священный утренний кофе, я сделала достаточно. Теперь мяч моего будущего на стороне судьбы. Пойду поем.

* * *

16

Хозяин «Кардамона и перца» выжидательно смотрел на меня с другой стороны барной стойки. То же самое делала голова оленя, висящая на стене. Больше в обеденном зале никого не было: все разошлись унывать по своим комнатам, а кто-то гулял и плакался дождю. Прятал в нём слёзы отчаяния и незаметно пытался утопиться.

— Ну как? — спросил Шоффри, когда я, решившись, всё-таки попробовала пахнущую плесенью и пылью чёрную кашу, поданную мне в деревянной пиале. — Нравится?

Я в ответ захрипела и заскребла ногтями по столешнице.

— Это... — из моего горла донёсся странный свист, — впечатляет.

— Вот именно, госпожа Страждущая! Такого блюда в вашем Лесном королевстве не найдёшь! Держите-ка водички, а то вы что-то побледнели.

Я залпом выпила стакан и содрогнулась, поняв, что чёрной каши передо мной ещё целая тарелка, а вот мужество уже покинуло меня. Бешеные норшвайнцы делали это жуткое национальное блюдо из горных ящериц, и, небо голубое, я не хочу видеть его больше никогда в жизни, не то что пробовать! Всякой жажде новых впечатлений есть пределы.

— Может, возьмёте с собой в Шолох костяной порошок? Если развести его, получится дешёвая версия такой каши.

— Боюсь, он по пути испортится, я ещё не скоро поеду домой.

— Но он долго хранится.

— Но я ужасно безответственная. Наверняка потеряю; обидно будет.

Шоффри всё понял. Усмехнулся в русую бороду и утешительно похлопал меня по руке.

— Ещё воды, милая?

— Да, пожалуйста, — приспела я.

Надеюсь, за оставшиеся четыре недели отпуска мой голос вернётся в норму. Будучи Ловчей — детективом по делам чужестранцев и магических рас, — я не хочу знаками показывать преступникам, что они арестованы. А то они в ответ покажут мне что похлеще.

Четыре недели, небо голубое! А ведь две, помимо них, уже прошло! Мне до сих пор не верится, что меня сослали... в смысле, отпустили на такой долгий срок.

Как это было: однажды утром шеф, мастер Улиус, внезапно вызвал нас с Полянью к себе в кабинет.

— Тинави! — рявкнул он, едва мы с напарником переступили порог. — Нельзя так много работать и так мало отдыхать! Ты себя угробишь, Страждущая, а меня, в свою очередь, за это угробит трудовая комиссия! Она как раз сегодня на рассвете заглядывала, как всегда, без

предупреждения, причём ко мне домой — чтобы я не сбежал!

Я опешила от такой избирательной претензии.

— Но ведь Польша тоже давно не был в отпуске!

— Ябеда, — проворчал тот и звякнул браслетами.

— С ним я тоже разберусь, не переживай! — рокотал Улиус. — Но ты, как хорошая девочка, должна подать ему пример! Поэтому так: Тинавушка, чтобы ноги твоей не было в ведомстве с двадцатого июня по первое августа! Это приказ!

Он пододвинул ко мне бумаги и всучил перо.

— И будь добра, отдохни как следует, дабы это лохматое чудовище, наслушавшись потом твоих рассказов, взвыло от зависти и само куда-нибудь попросилось! Нагло, уверенно и с полноценной аргументацией попросилось, как у него и принято!

Зевавший Польша вздрогнул.

— Мастер Улиус! — В его голосе звенел укор пополам с ужасом. — А можно говорить обо мне не в среднем роде?! А то я расстроюсь, оброню где-нибудь свою самооценку и буду долго восстанавливать её своим любимым способом, который вам так не нравится!

— Это которым? — призадумался Улиус.

— Совершая трудовые подвиги! — Внемлющий возмутился. — А что, вас что-то ещё не устраивает?

— Конечно. Твои побрякушки, твои безумные методы ведения расследований, твои татуировки...

Глаза напарника, и без того немаленькие, становились всё больше от слова к слову.

— Так, всё! — воскликнула я, расписываясь в документах настолько быстро, насколько это было возможно — пока тут кто-нибудь кого-нибудь не убил. — Бумаги оформлены. Отпуск ждёт.

— Молодец, Тинавушка! — одобрил шеф.

А Польша, когда мы вышли, запрыгнул на лестничные перила и по ним медленно, рядом со мной, поехал на первый этаж.

— Про методы было обидно, конечно. Но шефу не нравятся мои татуировки! — Хитрая улыбка расцвела на его лице. — Ну наконец-то он признался. Я чуял, чуял, что они его бесят! И вот мы выбили из него правду!.. Хей, малёк, а ты чего такая задумчивая?

— Да меня тут в изгнание отправили, если ты не заметил. — Я помахала свитком. — Месяц с лишним отпуска, Польша! Это ужасно ответственная задача, так-то. Вот я и прикидываю, куда послать своё брэнное тело в поисках приключений.

— Езжай куда-нибудь, где происходит побольше всякой дичи. Тебе же потом нужно заставить меня завидовать, не так ли? Вот и постарайся, душа моя. — Он подмигнул, и я, не удержавшись, ткнула его под рёбра.

Польша взвыл и расхохотался.

— Шучу, — сказал он чуть позже. — Лучше хорошенько отдохни. И, конечно, выбирай безопасное место.

— А всё, а поздно, я запомнила первый совет.

В общем-то, после некоторых размышлений я решила отправиться в графство Норшвайн, где уже три года живут мои родители.

Всю неделю, что я провела у них, папа хвастался своей новой лабораторией, а мама неистово кормила меня вишнёвыми пирогами. Эти пироги — отдельная песня! Иногда мне кажется, что родители переехали на север не потому, что папе предложили почётную должность графского алхимика, а как раз из-за маминой выпечки. Слишком уж она всегда была хороша. Должно быть, булочники всея лесной столицы объединились, пожаловались королю на недостижимый идеал вишнёвого пирога, и его величество нежно попросил госпожу Драссен придумать что-нибудь, не терзать чужую гордость. И когда встал выбор: печь или не печь? — мама решила печь. Просто где-нибудь в другом месте: надо же, в конце концов, осчастливить вкусовые рецепторы и остальных народов.

Мама переезжала с огромным энтузиазмом. Папа — тем более. Мой непоседливый характер — от них.

Ну а после отдыха в обществе своих ближайших и дражайших я отправилась дальше. По плану я собиралась меее-едленно двигаться обратно к Шолоху, по дороге заезжая во все симпатичные городки без исключения. В этом отпуске я буду слушать своё сердце и левую пятку, а не разум — так я решила.

А вот Врата Солнца в свою очередь решили привязать меня к себе посредством камнепада... Но тут мы ещё посмотрим, кто кого.

* * *

Размышляя обо всём этом, я подъедала взбитые сливки с горячего шоколада, которым пыталась восстановить своё душевное равновесие после каши. Едва я сунула в рот последнюю ложечку, как кто-то похлопал меня по плечу.

Поперхнувшись от неожиданности, я оглянулась.

Передо мной стоял хрупкий и до крайности подозрительный юноша лет двадцати трёх на вид. Его волосы цвета лепестков белой лилии доходили почти до плеч и надо лбом были собраны резинкой (в Шолохе мы называем такую причёску «фонтанчик»). Глаза — огромные и ярко-голубые, черты лица — очень нежные, как у какой-нибудь принцессы: даже её величество Аутурни, не к ночи будет помянута, рядом с ним не показалась бы настолько эфемерной, как обычно.

А вот взгляд у пришедшего по мою душу норшвайнца был дерзкий. Донельзя насупившись, он придирчиво оглядел меня с головы до ног. Я не отставала, внимательно изучая его обтягивающий чёрный костюм в стиле горного охотника и такого же цвета короткую накидку с широким капюшоном и серебристой вышивкой.

— Мастер Силграс Авалати, я полагаю? — выплюнув ложку, спросила я с максимально возможным достоинством.

— Да. А ты — Тинави из Дома Страждущих? Я нашёл твою записку.

Признаться, я удивилась. С одной стороны, Силграс с ходу обратился ко мне с дружеским «ты». А с другой — гордо вскинул подбородок и почему-то продолжил смотреть на меня с откровенным вызовом. Исходя из моего опыта, после таких взглядов помещение наполняется брошенными перчатками, пощёчинами и криками: «Ах ты сволочь!»

Прах, неужели я умудрилась написать что-то невежливое?.. Другая страна, другой язык и менталитет — будучи опытной Ловчей, я уверена в своих знаниях чужих культур, но оплошности всё же случаются. Особенно велик их процент, когда корябаешь записку, в три погибели скрючившись под дождём.

Впрочем, в следующее мгновение у меня отлегло от сердца.

— Мне понравилось твоё письмо. Оно было весьма убедительно, поэтому я готов сопроводить тебя, хотя обычно не беру клиентов в такую погоду, — слегка запальчиво сообщил Авалати.

— О-о-о! Прекрасно! В глубине души я всегда подозревала, что эпистолярный жанр — это моё. Тогда какой план?

— Мы отправляемся сегодня в полночь, после того, как взойдёт Игольчатая звезда. Я буду ждать у ворот трактира. Если тебя укачивает — возьми какие-нибудь леденцы. Мой кэб маленький и его будет трясти на перевалах. И да — с нами поедет ещё один путешественник.

— Такой же убедительный, как я? — с улыбкой прищурилась я.

— Нет, — Силграс с шумом выдохнул. — Ещё хуже. В смысле лучше. В смысле... Ты поняла.

Мы ещё немного поболтали. В ходе разговора мастер Силграс оставался всё таким же насупленным: судя по всему, у него просто был такой характер — типаж «бука» во всём своём великолепии. Наконец, рассмеявшись — настроение у меня было превосходным, — я по столешнице придвинула ему монеты, запрошенные для предоплаты.

— Не опаздывай и наберись сил, — сказал Силграс перед тем, как уйти. — Путь будет долгим.

Минутная стрелка старинных часов в моей комнате показывала без четверти полночь, когда я перекинула через плечо сумку (люблю путешествовать налегке; всё необходимое покупаю по ходу дела) и вышла из номера.

Припозднившиеся гости ужинали, перекидываясь шутками и игральными картами, Шоффри протирает глиняные бутылочки с травяными ликёрами.

— Уже уезжаете? Жаль. Да поцелует вас владыка горных дорог, госпожа Страждущая! — пожелал он мне на прощанье.

Именно так звучит общепринятое в Норшвайне напутствие. Помимо него, тут популярны такие фразы, как: «Да не приглянешься ты ледяной леди!», «Да услышишь ты шёпот ручьёв и трав!», «Да обнимет тебя господин ночных туманов!» и, конечно, ёмкое: «Упаси тебя от Лешего».

Все эти и многие другие благословения связаны с так называемыми *альвами*. Альвы — это около дюжины могущественных существей, испокон веков живущих в землях Норшвайна. Кто-то считает их духами, кто-то чудовищами, кто-то колдунами — полагаю, что истина, как всегда, где-то посередине. Так или иначе альвы активно участвуют в жизни графства: один требует называть в честь него детей, родившихся на рассвете, другая регулярно превращает живых людей в своих призрачных слуг. И так далее. Что ни говори, а у каждой страны есть свои причудливые обитатели, наследившие в её истории так, что мама не горюй.

Это радует: мир такой интересный! Но и пугает: ведь ты никогда не знаешь, от какой ещё загадочной сущности огребёшь.

Дождь наконец-то кончился. Небо расчистилось, и даже туманная дымка застенчиво ускользнула в ущелья. Дотоле скрытый пейзаж явил себя во всей красе.

Я застыла на крыльце трактира, любуюсь.

Осколок луны и созвездия на своей бархатно-чёрной подушке казались невыносимо близкими. Город спал, убаюканный их драгоценной песней, а горы вокруг высились острыми ножами, будто пытались сберечь какое-то сокровище. Среди них, бесконечно-тёмных в ночи, выделялся ярко-белый пик Осколрог — ледник-альбинос, наверное, чувствующий себя ужасно одиноким.

От поэтического созерцания природы меня отвлекла внезапно распахнувшаяся дверь сеновала, пристроенного к гостинице.

Дикий скрип, удар, чьё-то бормотание — и дохнувшее изнутри карамельное тепло.

На улицу шагнул высокий стройный мужчина в голубом плаще. В руке он сжимал саквояж, щедро украшенный разноцветными лоскутками ткани.

— Ох! Аллилуйя! — воскликнул чужак в никуда. — Сеновал, ничего личного, но я рад, что мы с тобой расстанемся.

Ага. Вот, кажется, и мой попутчик.

Мужчина закрыл сарай, утешительно бормоча ему что-то вроде: «Ты, главное, помни, что в целом ты очень хороший, дело не в тебе, а во мне» — и наконец повернулся в мою сторону. Из-под опущенного капюшона было видно только нижнюю часть лица — весьма привлекательную.

Обнаружив, что у его воркования с сеновалом были свидетели, путешественник на мгновение застыл. А потом отмер и застыл заново, на сей раз прицельно глядя куда-то в район моих сапог. Очень медленно его губы расплылись в некоей понимающей улыбке. Он сбросил капюшон и поднял голову.

Я даже назад отступила.

Никак не ожидала такого всплеска яркости в темноте! Огненно-красные волосы, рассыпавшиеся по плечам, горящие синие глаза, румянец энтузиазма на красивом лице.

Неужели он тоже из Шолоха? Чем-то ужасно родным и лесным веет от этой жизнерадостной красочности!

Между тем незнакомец сдул упавшую на лицо прядь волос и целеустремлённо направился ко мне.

— Берти Голден-Халла! — непререкаемо представился он, протягивая руку.

Нет, судя по акценту, всё же не шолоховец.

— Тинави из Дома Страждущих! — бодро отозвалась я.

— Я так понимаю, сейчас мы вместе будем совершать побег. — Улыбка господина Берти не уместилась на лице. — Мастер Силграс сказал вам про леденцы от укачивания? Я стащил горсть из гостиницы. Могу поделиться.

— О, прах! Я тоже стащила. Причём последние.

— Ну вот, Шоффри нас возненавидит, — цокнул языком Берти.

— Хорошо, что мы уезжаем, получается, — я развела руками, и мы рассмеялись.

Этот смех был полон облегчения. Думаю, в каждом из нас живёт древний липкий страх — наткнуться на ужасного попутчика, от которого просто некуда будет деться. Мучительные часы пыток! Сейчас страх не оправдался, так что я мысленно возносила хвалу своей удаче. Господин Голден-Халла явно занимался тем же.

Как раз в этот момент у трактира притормозил кэб, запряжённый одной лошадкой.

Карета была необычайно маленькая: в Шолохе её бы сразу цинично обсмеяли перевозчики-кентавры, причём максимально обидными словами (чем-нибудь типа «свистулька»), но здесь, среди гор, такой размер казался вполне рабочим. Самое то лавировать на узких, почти отвесных дорогах.

С козел прыгнул мастер Силграс Авалати, всё в той же чёрной мантии с серебряными узорами. Как и днём, он выглядел замкнутым и слегка насупленным.

— Привет, — возница открыл дверцу кэба и указал на предназначенный для багажа люк. — Вещи можно убрать сюда.

Но отсек оказался таким маленьким, что туда влезла только моя сумка. А вот саквояж Берти — нет. После это-

го мы потратили некоторое время на то, чтобы придумать, как нам сложиться в наиболее удачный пазл в этом крохотном кэбе, рассчитанном скорее на одного полного человека, чем на двух худых плюс багаж.

Мастер Силграс стоял у открытой дверцы и жевал какую-то булочку, выжидательно наблюдая за нашей вознёй.

В итоге мы с Берти кое-как устроились на противоположных сиденьях, сняли обувь и перекинули ноги через проход. Саквояж уместился на полу. Уже сев, мы поняли, что не сняли плащи, в которых по пути наверняка будет жарко. Разоблачаясь, мы то и дело стукались коленками и локтями, а один раз я так приложила затылком, что искры заплясали у меня в глазах.

Мастер Силграс продолжал сосредоточенно жевать.

Когда кэб, обретя равновесие, наконец перестал шататься, он изрёк:

— Я забыл сказать, что в ящиках под сиденьями есть подушки и пледы. С ними спать будет удобнее. Достанем?

Да ты издеваешься!..

— Я думаю, обойдётся, — увидев непростую гамму эмоций на моём лице, протянул Голден-Халла.

Силграс без лишних комментариев захлопнул дверцу и вскарабкался на своё место. Послышался его резкий посвист, щелчок кнута — и вот карета уже покатила вниз по улице.

Отодвинув шторку, я смотрела на то, как мелькают за окном ночные огоньки Врат Солнца. Голден-Халла делал то же самое, и в стекле я видела его отражение.

— Тинави, — поймав мой взгляд, он улыбнулся, — обычно я не делаю таких предложений в первые полчаса знакомства, но... Давай перейдём на «ты»? Как по мне, это самоотверженное, плечом к плечу, сражение с кэбом сблизило нас быстрее, чем смогли бы светские разговоры. Как-то глупо «выкаты» человеку, которого только что бил коленкой в живот.

Я энергично закивала:

— Я только за! И прости за тот удар. Не то чтобы у меня есть привычка дубасить симпатичных малознакомых людей. На самом деле я мирная.

— Ну-ну. Тот единственный шолоховец, которого я хорошо знаю, тоже так говорит, однако по факту он столь суров и беспощаден, что меня аж дрожь пробирает.

— Как ты догадался, что я из Шолоха?!

Голден-Халла лукаво наклонил голову.

— Акцент.

— Ну вот! А я не могу распознать твой.

— Это потому что я из города и района, где даже у каждой чайки своё произношение — спасибо самой активной в мире морской торговле.

— Неужели Саусборн?

— Бинго!

— Обожаю его!

Берти обрадовался:

— Ты бывала там?

— Ага, один раз, и мне очень понравилось. — Я схватилась за дверцу кэба, когда он подпрыгнул на какой-то кочке. — А ещё мой близкий друг оттуда родом. Признаться, сам он не в восторге от Саусборна, но мои тёплые чувства к городу лишь окрепли после нашего знакомства... Раз ваша южная столица породила такую замечательную бестолочь, дорогую моему сердцу, то я не могу не быть ей благодарной!

— Мне нравится такой подход! А в каком районе жил твой друг?

Я хотела ответить, но вместо этого широко, протяжно зевнула. Берти тотчас повторил за мной, ещё упоительнее.

— Если не ошибаюсь, он жил... — начала я, мучительно борясь с внезапно нахлынувшей сонливостью, — ...где-то возле резиденции архиепископа... — Язык еле ворочался.

Так. Вообще, это ненормально. Меня не может вот так взять и выключить — я же выпалась, и...

Я услышала слабый удар, когда лоб Берти стукнулся о стекло, а мгновение спустя сама сползла вниз по сиденью кэба.

Подушки бы всё-таки пригодились.

З ПОД АЛМАЗНЫМ ПРИЛАВКОМ НЕБА

Седые горы полны тайн. Искажения магии, погодные разломы, потерянные во времени деревни — если бы эта территория не таила столько опасностей, она была бы воплощённой мечтой для любознательных путешественников.

*Пошэто Санатри,
картограф*

Берти Голден-Халла

Берти проснулся из-за давящей тишины, вдруг навалившейся на уши, развернувшейся в нестерпимый отдалённый звон.

Голден-Халла открыл глаза и насторожённо замер. Ноги, согнутые в коленях, затекли, в крохотном салоне было темно и ужасно холодно. Кэб стоял на месте. Снаружи не доносилось ни звука.

Берти отодвинул шторку и ахнул, увидев, что случилось с окном... Затем перевёл взгляд на свою спутницу, сидящую напротив, так же крепко спящую, как он сам ещё минуту назад.

Всё это очень подозрительно.

В голове кружил хоровод вопросов, каждый из которых жаждал прозвучать первым, и Берти аккуратно отделял их один от другого, одновременно с тем глядя на то, как у Тинави во сне подрагивают пальцы и ресницы.

Страждущая тихонько вздохнула. Её длинные ярко-каштановые волосы разметались по подголовнику сиденья,

кожа, обласканная трепетным лесным солнцем, была хо- лёной и свежей, на скулах и носу играл лёгкий румянец. Одежда не скрывала фигуру, и Берти подумалось, что он мог бы обхватить её талию двумя ладонями. Лицо той классической красоты, которую ценят в любых культурах, сейчас было спокойным и безмятежным, хотя по его чер- там Голден-Халла видел: обычно Тинави много улыбалась и смеялась. Однако наравне с этой живостью и открыто- стью, свидетельствующей о компанейской дурашливости, во внешности Страждущей таилась неуловимая загадка — миражная, неземная. И, может, страдание? Странное со- четание. Странное, манящее и... ужасно знакомое.

У Берти сжалось сердце от внезапно пришедшего ощущения близости. Какое-то время он любовался Тина- ви, потом встрепенулся, отвесил себе мысленную пощё- чину («*Это ещё что? Неуместнее не придумаешь!*») и посту- чал в стенку у себя за спиной, надеясь, что Силграс отзо- вётся. Но в ответ была лишь тишина, становившаяся всё гуще от минуты к минуте. Она обволакивала кэб и двух сидящих в нём людей, заставляя двигаться медленнее, чувствовать, как тяжелеют веки, а предметы по краям будто текут, как вода.

Берти шёпотом окликнул:

— Госпожа Тинави!

Страждущая сонно шевельнулась.

Сыщик повторил:

— Госпожа Тинави! — и легонько побарабанил паль- цами по её коленке.

Тинави из Дома Страждущих

Мне снилось, что я мёрзну в бесконечной темноте кос- моса.

Я парила без возможности двинуться куда-то, а планеты и звёзды равнодушно наблюдали за мной со стороны. Каза- лось, впереди ждёт что-то нехорошее; страх иглами покаль-

вал сердце. От пронизывающего холода сводило зубы, меня засасывала головокружительная глубина галактики, и мне чудилось, будто кто-то — нехороший, невозможный, непостижимый — ищет меня, чтобы убить. И вот-вот найдёт.

— Тинави!

Лёгкие пальцы коснулись моего колена, и я мгновенно проснулась.

Сначала я почувствовала облегчение оттого, что невнятный кошмар закончился. А потом — замешательство, потому что холод никуда не делся. Стал только отчётливее наяву: меня колотило так, что зуб на зуб не попадал.

Надо мной склонился Берти — его лицо было бледным и насторожённым в лучах лунного света.

— Что случилось? — почему-то шёпотом спросила я.

Впрочем, ясно почему: нас окружала мёртвая тишина. Она мгновенно съела мои слова, не успели они отзвучать. Нечто вязкое и неопределимое разливалось в ледяном воздухе. Кэб не двигался.

А окна были полностью покрыты... морозными узорами.

— Зима?! — тотчас воскликнула я с таким неподдельным возмущением, какого сама от себя не ожидала в данной ситуации.

— Вот и я обомлел! — рассмеялся Берти, возвращаясь на своё место. От звука его тёплого голоса мрачная атмосфера хрустнула и рассыпалась, обернувшись просто привлекательно-колдовской.

— Мы с тобой определённо столкнулись с некоей дорожной загадкой. — Голден-Халла открыл свой сакво-яж. — Я проснулся минуты две назад. Силграс не отзывается, за окном ничего не видно и не слышно, а выходить на улицу без тебя я не стал. На, держи, — он протянул мне комок воздушной синей ткани.

Это была шуфа — популярный тип зимнего одеяния, по сути являющийся подвидом мантий. Сделанные из тончайшей волшебной шерсти, шуфы буквально источают тепло — и очень удобно складываются, занимая совсем мало места в сумке.

— Укутывайся, госпожа Страждущая. У меня ещё есть, — и Берти потянул за торчащий зелёный лоскуток, виднеющийся на самом дне саквояжа. Раздался треск, но в итоге и второй наряд оказался на свету целый и невредимый.

Два зимних одеяния у одного человека посередине лета — это нестандартная ситуация.

Напрашивался вывод:

— Ты путешествовал по Седым горам?

— Ага, — кивнул Голден-Халла. — Поэтому у меня столько вещей: на каждую из погодных зон, которую в них можно встретить. И, знаешь, что-то мне подсказывает, что сейчас мы снова там. В смысле здесь. В Седых горах. Если, конечно, не выяснится, что мы проспали полгода и зима пришла естественным образом.

— Бр-р-р, надеюсь на первое!..

Седые горы — это древняя и таинственная часть Норшвайна. Огромные полупустые территории, где пару тысяч лет назад случился катаклизм, из-за которого теперь в них прах знает что творится с магией и погодой. Седые горы гораздо более пологие, чем соседние с ними Лиловые, местами они скорее напоминают холмы. Этот регион начинается сразу за цепью острых скал, с запада подпирающих Врата Солнца — и да, вполне возможно, что Силграс завернул туда, когда вёз нас прочь из города, но...

Что произошло дальше? И почему мы так резко уснули?

Обмотавшись шуфами, мы с Берти одновременно распахнули дверцы экипажа.

Ночной холод ударил меня в грудь, выбивая воздух из лёгких. Но почти сразу же организм адаптировался: сердце забилось быстрее, разгоняя кровь, и по телу разлилась приятная бодрость пополам с азартом.

Ибо ситуация была воистину странной.

Наш возница, мастер Силграс Авалати, отсутствовал на козлах. И мохноногая лошадка тоже исчезла. Пустые оглобли лежали на заснеженной дороге. Ну как минимум не было видно никаких трупов — а это уже хорошо.

Вслед за Берти я закрутила головой, изучая местность, в которой мы оказались. Это была узкая дорога, опоясы-

вающая заснеженный горный пик. Слева поднималась отвесная скала, справа притаился обрыв, в котором лежала безмолвная долина, увенчанная острой короной гор. Небо, похожее на перевёрнутый прилавок с алмазами, темнело наверху; под луной сверкали искорки снежинок.

— А вот и пик Осколрог, — Берти указал на ледник, чей знаменитый профиль в виде равностороннего треугольника украшал немало норшвайнских открыток. — Значит, это действительно Седые горы.

Я присела на корточки, а потом и вовсе шлёпнулась на колени и шустро поползла вокруг кэба, надеясь найти какие-то следы, хотя надежды на отпечатки сапог и копыт было немного: безе хрусткой колдовской дороги едва угадывалось под стремительной позёмкой.

К моему удивлению, Берти без промедления опустился рядом, да ещё и нахально пополз вперёд. Потолкавшись плечами в районе гипотетической лошади и не найдя ровным счётом ничего, мы с сомнением уставились друг на друга.

— Я сыщик, — объяснил Голден-Халла. — Частный детектив и колдун.

— Ух ты! А я — Ловчая на службе лесного короля.

— Так мы коллеги! — Он неподдельно обрадовался. — Теперь всё ясно. А то я думаю: и почему это у меня с ходу появилось какое-то странное чувство, что тебе можно доверять... Даже несмотря на то, что это ты увела у меня последний свободный номер в трактире, из-за чего мне пришлось спать на пепловом сеновале!

Моя улыбка, появившаяся в начале его монолога (да, доверять мне — замечательная идея!), в конце сменилась гримасой неловкости.

— Ты серьёзно? Я?..

Берти яростно закивал.

— Прах!.. А я всё стеснялась спросить, что это у тебя за привычки такие, что ты предпочёл ночевать в сарае, хотя явно не испытывал по этому поводу восторга... «Ммм, — подумала я, — так вот они какие — аскеты!»

— Ну, это не худшая возможная мысль, — хмыкнул Берти. — Так, ладно! Возвращаясь к нашей очаровательной ситуации. Я правильно понимаю, госпожа Ловчая, что просить тебя вернуться в кэб до выяснения обстоятельств — бессмысленно?

— Я бы сказала — абсурдно!

Всё это время мы продолжали стоять на карачках, но ни у меня, ни у Голден-Халлы это не вызывало ни малейшего дискомфорта. Рабочий процесс, подумаешь.

И вдруг саусбериец расширил глаза, бросаясь, как мне сначала почудилось, обниматься:

— Ты посмотри-ка!..

Я оглянулась.

В паре метров от нас над обрывом парила феечка. Треугольное лицо, острые уши, голубые крылья с синими прожилками и белоснежные волосы. Рост — не больше пяти дюймов.

Мне немедленно захотелось издать эдакий сюсюкающий звук, который свидетельствовал бы о крайней степени моего умиления. Но я сдержалась, потому что мне не хотелось показаться чокнутой в глазах Голден-Халлы, а умиление, скажем прямо, считалось не самой адекватной реакцией на пакостника *снуй*.

Снуй — это пусть и очаровательные, но всё же в первую очередь подлые феи, населяющие снежные горы (в путеводителях их также нередко называют *дúхами*). Встретив путников, они старательно привлекают их внимание и затем манят, манят за собой... Частенько — в самое сердце неприятностей, из-за чего во всех путеводителях огромными буквами пишут: «Не идите за снуи! Не надо!»

Однако большинству путешественников сложно послушаться этого совета по той простой причине, что духи снега испускают определённый феромон-приманку, вызывающий нестерпимое желание следовать за ними. И не важно, что брести приходится по жутким сугробам, блестя сердечками в глазах и мыча нечто невразумительно-восторженное.

В то же время, если человек когда-либо серьёзно учился колдовству, то на занятиях его вполне могли подвер-

гать действию такого феромона — в качестве прививки на будущее. И тогда встреченная в реальной жизни приманка не сработает. С такими умниками феям снуй приходится возиться дополнительно — петь им, плясать, упрашивать, — в общем, заворачивать по полной программе в стиле ярмарочного гипнотизёра, дабы всё-таки сделать своё недоброе дело.

Я в своё время подверглась влиянию феромона, спасибо обучению у магистра Орлина. (Мы с Дахху и Кадией тогда блаженно пускали слюни чуть ли не два дня подряд, одновременно с этим пытаюсь протаранить лбами стену, на которую наставник повесил акварельку с изображением духа.) Голден-Халла, видимо, тоже когда-то испытал подобные фантастические ощущения, вследствие чего сейчас его взгляд оставался ясным, а губы сложились в коварную ухмылку.

Но снуй, кажется, не понял, что нарвался на Людей С Грандиозным Опытом.

Увидев, что привлѣк наше внимание, дух сразу же с тонким пискком взмыл выше, вылетел на дорогу и помчал по ней прочь.

— Ну даѣт, — сказала я. — Хоть бы обернулся, проверил, как там «жертвы».

— Да уж, я ещё не встречал таких безалаберных злодеев... Наверное, это совсем юный дух. Представляю его разочарование, когда он поймѣт, что ловушка не сработала, — посочувствовал Берти.

Я задумалась:

— Слушай, а может, пойдѣм за ним?

— Тебе его *настолько* жалко? — изумился сыщик.

— Да нет, просто... Что, если это он увлѣк Силграса вместе с конѣм?

— Хм, — Берти прищурился. — Только если наш возница имеет медаль по скоростному распряганию лошадей: малыш-снуй явно не обладает такой добродетелью, как терпение. Однако, — сыщик пружинисто вскочил на ноги и подал мне руку. — Это пока наша единственная и лучшая гипотеза. В любом случае сидеть здесь нет ника-

кого смысла. Так что да! Сыграем в поддавки и порадуем крылатого пакостника!

Берти вытащил из кэба мою сумку и свой саквояж, и мы решительно бросились вслед за феей.

И никаких феромонов не надо!

* * *

Да, наш снуи действительно мог похвастаться крайней самоуверенностью.

Он летел то выше, то ниже, делал кульбиты, очевидно красуясь, но и не думал подстроить свою скорость под возможности предполагаемых жертв.

И не оглядывался.

Вообще.

Хвала небесам, снежный дух хотя бы летел над дорогой. Сигани он в обрыв, думаю, мы с Голден-Халлой умерили бы свой любознательный пыл. И, возможно, замялись бы перед тем, как посмотреть вниз, боясь увидеть там лепёшку, бывшую некогда Силграсом Авалати и его конём.

А так:

— Да погоди ты, дурында, эй! — отчаянно кричали мы.

Однако ветер уносил наши голоса в другую сторону, снуи не слышал, и поэтому, ругаясь и хватаясь друг за друга, как две сиротки, мы продолжали гонку в далеко не оптимальном, зато согревающем темпе. Радовало только, что дорога до сих пор была довольно утоптанной, несмотря на сыплющийся с неба снег.

Вдруг снуи замер. Он в кои-то веки оглянулся и очень критично посмотрел на то, как я на ходу, фырча и умирая от жары, расстёгиваю шуфу, а Берти вслух прикидывает, насколько ему ценен его саквояж — или прах с ним, пора бы его уже бросить, оставить трофеем для гор.

— Боги, неужели он остановился... — застонала я, готовая упасть от облегчения.

Дома я люблю бегать, но марафон по ночным горам в скользких сапогах и зимнем облачении с чужого плеча оказался чем-то, что определённо никогда не входило

в мой план тренировок. «Думал, что вёрткий мастак, но на деле — козлина-простак!» — наверняка высказался бы мастер Улиус, будь он тут.

— Снуи! — из последних сил заорал Берти. — Наконец-то! Погоди! Да-да, мы твои пленники — хей, Тинави, избрази восторг и слабоумие, пожалуйста, — но всё же нам, твоим верным рабам, нужно двигаться чуть медленнее, понимаешь?! Подожди минуту! Дай отдышаться!

В ответ снуи скривился, разочарованно пискнул и... с дикой скоростью штопором ввинтился в ночное небо, где исчез за считанные мгновения, смешавшись с искрящимся полем звёзд.

— Не-е-ет! — взвляла я и всё-таки позволила себе горестно рухнуть на дорогу. — Ты же должен был привести нас к неприятностям! Какого пепла мы проделали этот путь!

— Неужели я такой плохой переговорщик? — ужаснулась Голден-Халла.

Я меж тем всерьёз размышляла о том, стоит ли мне поесть снега, чтобы утолить жажду, или мой нежный организм окончательно откинется от таких приколов. Берти сел рядом. Снег вокруг безнадёжно таял, настолько мы были разгорячёнными этой гонкой. И это пугало меня куда больше чудовищ, потенциально способных выползти из темноты, ведь я — лучшая подруга одного из величайших ипохондриков Лесного королевства.

«Переохлаждение. Воспаление лёгких. Смерть», — услужливо бормотал у меня в голове гнусавый голос Дахху.

— Что будем делать, господин Голден-Халла? — выдавила я, пытаясь его заглушить.

Берти к этому моменту кое-как снова встал и, пошатываясь, отошёл к обрыву. Надеюсь, он не собирается сброситься.

— Хм. Как насчёт того, чтобы пойти и рассказать всем о том, как мы недовольны некачественными услугами местных фей? — после паузы протянул он.

— С удовольствием, но кому — всем?

— Тем, кто зажжёт огни! — в голосе сыщика вновь слышалось ликование.

Он подскочил ко мне и поднял чуть ли не за шкурку, заставляя встать. Из этого, уже забытого было положения, я вдруг разглядела сияющие очертания деревни, проступившие сквозь дымку вьюги внизу, под склоном, оказавшимся здесь куда более пологим, чем прежде.

— Хвала небесам и странному снуи-альтруисту! — возопила я, мгновенно приободрившись и уже предчувствуя живительную дозу тепла.

— Забавно будет, если не альтруисту, а просто работающему на деревню, — подмигнул Берти.

— Агрессивные стратегии внутреннего туризма? — фыркнула я.

— Страшный заговор сувенирных лавок.

— Значит, они тем более готовы принимать гостей хлебом-солью. Всё же — хвала!

Голден-Халла кивнул, подхватил вещи, и мы с новыми силами воодушевлённой парочкой мотыльков полетели на свет, под гору.

4 ПРИЗРАЧНАЯ ДЕРЕВНЯ

Волкодлаков всё больше. Мы не справляемся. Колдун из соседней деревни говорит, что они созданы из тени, лезут из ущелья, в котором когда-то погибли горные ведьмы. Если это не прекратится, нам конец.

Из чьего-то старого дневника

36 Поселение было окружено внушительным деревянным забором: казалось, жители деревни в любой момент готовы сдерживать осаду.

Голден-Халла постучался. Долго не было никакого ответа, а затем по ту сторону раздался монотонный голос:

— Кто вы и зачем явились в Долину Колокольчиков?

Берти многозначительно подвигал бровями, одними губами произнёс: «Женский голос лучше — вызывает доверие», и я, откашлявшись, дружелюбно заявила:

— Доброй ночи! Мы мирные путники. Наш возница пропал, мы его ищем. К вам никто не приходил в последнюю пару часов?

После продолжительной паузы, наполненной завыванием ветра в щелях забора, сторож так же безэмоционально поинтересовался:

— Вы хотите пройти в деревню? — мой вопрос он проигнорировал с невозмутимостью сытого медведя.

— Да, — сказала я.

Послышался скрип отодвигаемого засова. Ворота распахнулись, и мы с Голден-Халлой с любопытством уставились на бородатого селянина.

За спиной у него открывался вид на старинную деревушку. Узкие улочки, деревянные домики с острыми крышами. В паре окон, несмотря на экстремально поздний час, танцевало пламя свечей — за занавесками были видны тени местных жителей. Горбоносая старушка вязала, сидя в кресле-качалке. Мужчина и женщина целовались, не думая о случайных свидетелях.

А между домами были протянуты тонкие гирлянды, увешанные стеклянными колокольчиками. Они мелодично позвякивали, медленно раскачиваясь на ветру.

— Добро пожаловать в нашу деревню, путники, — размеренно сказал мужичок и указуяще махнул рукой. — В конце улицы вас ждёт трактир.

Берти вежливо поблагодарил, а затем сощурился:

— Хей, так до нас сегодня кто-то приходил?

— В конце улицы вас ждёт трактир, — весомо повторил местный житель.

— Спасибо, что пустили! — улыбнулась я, но ответной улыбки не дождалась.

Сторож молча закрыл ворота и замер, лицом к ним.

Мы с Голден-Халлой переглянулись, а потом пошли по указанному адресу. Хорошо. Будем считать, сторож из той породы людей, что упорно не хотят выходить за границы обозначенных трудовых обязанностей.

